

Нельзя не признать, что слова Мукэча были крайне загадочными, напрямую возводя текущую ситуацию на уровень двух государств. Если бы не было необходимости, Ань Жуй не хотел бы разжигать войну, ведь, как бы он ни хотел это признавать, в Сиюане было слишком мало военачальников, способных взять на себя такую ответственность. Если бы война началась, командование неизбежно бы досталось Лу Юаню, и тогда попытка вернуть военную власть стала бы чистой воды фантазией.

Ань Жуй, размышляя об этом, окинул взглядом лица министров в зале и заметил, что многие опустили головы, избегая его взгляда.

Если бы это было несколькими днями раньше, возможно, некоторые чиновники согласились бы отправить своих дочерей на брак ради мира с Хунну. Ведь отдать свою дочь в обмен на старшую дочь клана Цзи и получить хорошую репутацию казалось крайне выгодным. Но в последние дни слухи, распространившиеся в столице, были всем известны, и если бы кто-то сейчас предложил это, втайне его бы высмеяли.

Как говорится, нет дыма без огня. Слухи в столице начали распространяться после весенней охоты, но тогда их не восприняли всерьёз. Однако вскоре после этого послание от хуннского шаньюя прибыло в Сиюань. Если брак ради мира был фактом, то и слухи о шаньюе, вероятно, не были полностью вымышленными.

Если всё действительно так, как говорят слухи, то отправлять дочь к шаньюю — это вовсе не брак ради мира, а скорее отправка её на забаву! Если начать с этого, то в будущем дочери семейств вообще не смогут найти женихов. Кто из присутствующих не понимал, что важнее?

В тот момент несколько семей, имевших связи с кланом Цзи, поспешно опустили головы, избегая взглядов Цзи Юи и Цзи Минхуэя. Хотя дочери клана Цзи были хороши, их собственные дочери тоже были сокровищами.

Цзи Юи, видя реакцию чиновников, всё поняла. Её взгляд, полный ненависти, устремился на Лу Яньси. Если бы не он, учитывая её статус и положение клана Цзи, разве кто-то отказался бы от обмена?

— Ваше Величество, разве вы не хотите? — Видя, что Ань Жуй долго молчит, даже такой терпеливый человек, как Мукэча, нахмурился. — Во время весенней охоты Ваше Величество торжественно обещали, что позволят мне выбрать одну из знатных девушек Сиюаня.

Ань Жуй был загнан в угол этими словами, особенно когда заметил насмешливый взгляд Лу Яньси. Вспомнив о недавних близких отношениях Лу Яньси с Мукэча, он понял, что эти слова Мукэча были подсказаны Лу Яньси.

Но что он мог сделать, даже если был зол? Послание от хуннского шаньюя действительно лежало на его столе, и предложение о браке ради мира действительно исходило от него. Если отправлять девушку на брак, её происхождение должно быть знатным, по крайней мере, из аристократической семьи. Но реакция подданных ясно показывала, что никто не хочет этого. Если настаивать, это может обидеть чиновников.

Перебрав все варианты, Ань Жуй не смог придумать ничего, кроме как отправить дочь клана Цзи на брак ради мира. Цзи Юи, сидевшая рядом с Ань Жуюем и служившая ему более двадцати лет, сразу поняла его мысли. Она широко раскрыла глаза, глядя на него:

— Ваше Величество! — В её голосе слышались паника и тревога. — Юнь и Дье выросли на Ваших глазах, Ваше Величество всегда говорили, что относитесь к ним как к своим детям!

Ань Жуй, услышав эти слова, вспомнил, что несколько дней назад, после того как Лу Шуи сообщила радостную новость, она сказала:

— У Вашего Величества только одна принцесса. Говорят, что дочери — это утешение для родителей. Я хочу подарить Вашему Величеству принцессу.

Ань Жуй действительно любил дочерей клана Цзи, но только потому, что у него не было своих дочерей. В его сердце Ань Цзинцзин не считалась его дочерью. Теперь, когда кто-то готов родить ему дочь, зачем ему считать чужих девушек своими детьми? К тому же Лу Яньси стоял рядом, словно тигр, готовый напасть. Если он начнёт говорить свои извращённые доводы, Ань Жуй будет вынужден согласиться.

Подумав об этом, Ань Жуй промолвил:

— Наследный принц Хунну, что вы говорите? Было бы прекрасно заключить союз с Хунну. Я, как император, держу своё слово. Кого из дочерей клана Цзи вы выбрали?

— Ваше Величество? — Цзи Юи не ожидала, что её слова не только не вызовут сострадания у Ань Жуйя, но и окончательно решат этот вопрос. В одно мгновение её лицо побледнело, и даже тщательный макияж не мог скрыть её бледности.

Даже Цзи Минхуэй, до этого спокойный, вздрогнул, и его лицо стало мрачным. В его сердце, пока была старшая дочь, клан Цзи мог наслаждаться богатством и властью, но как император мог так легко изменить своё мнение?

Ань Жуй, видя их реакцию, нахмурился. Он просто принял разумное решение, но оно вызвало такую бурную реакцию клана Цзи. Видимо, они получили слишком много власти и забыли о своём положении!

— Я благодарю Ваше Величество от имени моего отца. Однако я не знаком с дочерьми клана Цзи, поэтому выбор остаётся за Вашим Величеством. — Мукэча, казалось, не заметил замешательства семьи Цзи, вежливо кивнул и отошёл. Его задача была выполнена, а что будет дальше, зависело от Сиюаня и Лу Яньси.

Лу Яньси, наблюдая за реакцией Ань Жуйя и семьи Цзи, усмехнулся в душе: Продолжайте, продолжайте, чем больше вы суетитесь, тем хуже для вас!

После того как Ань Жуй определился с кандидатурой для брака ради мира, в зале наступила странная тишина. Причина была проста: после того как император объявил, что младшая дочь клана Цзи отправится на брак ради мира, драгоценная наложница сослалась на недомогание и покинула зал.

После ухода Цзи Юи другие чиновники заметили, что лицо императора стало мрачным, явно выражая недовольство её несвоевременным уходом. Вспомнив, как во время новогоднего банкета император снисходительно отнёсся к драгоценной наложнице, когда она также покинула зал, он не только не рассердился, но и с улыбкой последовал за ней. Но прошло всего несколько месяцев, и реакция императора изменилась настолько. Действительно, быть рядом с императором — это как быть рядом с тигром.

Подумав об этом, чиновники украдкой обменялись взглядами: похоже, в дворце тоже назревают перемены.

— Ань Чэнцзи кажется странным.

Когда в зале постепенно возобновились разговоры, Лу Яньси наклонился к Ань Цзинсину и что-то прошептал. По сравнению с предыдущим «шёпотом» его слова теперь были едва слышны, и даже Мукэча, сидевший неподалёку, не смог разобрать, что он сказал.

Состояние Ань Чэнцзи действительно было необычным. Раньше, если Цзи Юи теряла лицо перед императором, он также чувствовал себя униженным. Но сегодня его реакция была слишком спокойной, как будто драгоценная наложница не имела к нему никакого отношения.

Ань Цзинсин, услышав это, также взглянул в сторону Ань Чэнцзи и действительно заметил его странное поведение. Это безразличие сильно отличалось от его прежних реакций.

— Неужели он из-за дела с князем Сяояо затаил злобу на драгоценную наложницу? — Лу Яньси, глядя на безразличное лицо Ань Чэнцзи, не мог понять его. Какой бы ни была причина ухода драгоценной наложницы, её лицо и лицо императора не лгали. Если бы Ань Чэнцзи действительно заботился о ней, он бы пошёл проведать её, не так ли?

— Трудно сказать. — Ань Цзинсин, услышав слова Лу Яньси, словно что-то вспомнил, и через некоторое время ответил этими двумя словами.

Ань Чэнцзи с детства был эгоистичным, типичным человеком, который помнит только плохое. Как бы хорошо к нему ни относились, если кто-то однажды ошибётся, он запомнит это навсегда, забыв все добрые дела. Типичный неблагодарный человек. Если Цзи Юи проявляла больше заботы о Ань Цзинжуне и Ань Чэнцзи, то недовольство Ань Чэнцзи по отношению к ней не было удивительным.

Неужели из-за одного случая предвзятого отношения он затаил такую злобу? Пока Лу Яньси удивлялся, он заметил, как глаза Ань Чэнцзи загорелись, и тот, повернувшись, что-то сказал человеку рядом с собой, а затем встал и покинул зал.

<http://bllate.org/book/16474/1496689>